

УДК 130.2 : 17] (470.621)

ББК 87. 667 (2Рос.Ады)

Ш 22

А.А. Шаов

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, тел. (8772) 59 39 84

Реконструкция процесса становления и развития этнокультурного и этнорелигиозного мировоззрения адыгского этноса

Аннотация: В статье рассматриваются этапы формирования и эволюции духовной культуры адыгского этноса через специфику взаимодействия этнической (адыгство) и религиозной (ислам) идеологий.

Ключевые слова: Идентичность, этническая и религиозная идеология, этническое самосознание, этническая идентичность, религиозная идентичность, мировоззрение, «этнический человек», религиозные и этнические ценности, взаимодействие.

A.A. Shaov

Candidate of Sociology, Assistant Professor of Philosophy and Sociology Department at Adyge State University, ph.: (8772) 59 39 84

Reconstruction of process of formation and development of ethnocultural and ethnoreligious outlook of Adyge ethnos

Abstract: In the paper, stages of formation and evolution of spiritual culture of Adyge ethnos are considered through specificity of interaction of ethnic (Adyge Studies) and religious (Islam) ideologies.

Keywords: Identity, ethnic and religious ideology, ethnic consciousness, ethnic identity, religious identity, outlook, “the ethnic person”, religious and ethnic values, interaction.

Следы исторического прошлого запечатлены в остатке культурной памяти. Они социокодами конвертируются соответственно установленным духом эпохи ментальным обменным курсом, где в качестве эквивалента обмена выступает время, чеканя события и пуская их в оборот истории и культуры в ее конечных целях и смыслах.

Возможен ли прямой контакт с прошлым? Как войти в непосредственное общение с прошлым посредством интуитивного прозрения или чувственного переживания? Что может быть критерием достоверности контакта с реальностью прошлого? Какие главные уроки следует извлекать из исторической памяти? Известно, что рассуждать о прошлом, как о существующем в настоящем, возможно лишь не иначе, как извлекая его из памяти и исторических свидетельств. Наше сознание конструирует из этих фрагментов события, которые и принято называть историей.

Контуры фасада определенной эпохи декорируются в первичных фактах исторического сознания, транслируемые текстами, повествованиями, произведениями, изобразительным искусством, архитектурными стилями. Однако чтобы узнать, что скрыто за фасадом истории, надо заглянуть в глубь мировоззренческих концепций, определяющих дух эпохи. История и народ одновременно отображены друг в друге и проникнуты друг другом. В глубинах этнического сознания кодируются разные уровни идентичности, онтологически структурируясь, они упорядочивают разные уровни реальности. Исторические события постигаются с помощью сознания, разные уровни исторического бытия обусловлены соответственно разными уровнями идентичности. Определенный уровень идентичности способен вскрыть лишь соответствующий уровень

исторической реальности, к примеру, этнический уровень идентичности вскрывает этническое измерение исторического события, но не способен вскрыть его онтологический статус, доступный религиозному уровню идентичности. Под событием мы понимаем некую автономную реальность и смотрим на нее как на пространственно-временную действительность, в данном случае - этническую историю, и (или) сакральную с приданием ей религиозного абсолютного характера.

В наши дни заметно возрастает интерес к этнологическим, культурологическим и социально-философским вопросам духовного наследия наших предков, в том числе их мировоззренческому (идеологическому) восприятию действительности. Процесс этот закономерный, так как усвоение и переработка наследия прошлого является неперенным условием прогрессивного развития культуры современного общества. В процессе возрождения культурного наследия происходит регенерация ценностей мировоззренческого (идеологического) порядка как части исторической памяти народа. Основопологающей потребностью индивида и общества в целом для своего выживания, полноценной жизнедеятельности становится самоидентификация, благодаря которой определяется историческая индивидуальность. И здесь, прежде всего, идентичность связана с процессами смыслообразования, поиском внутренних связей и глубинного понимания своего «я» посредством собственной культуры. В мире не существует народа, у которого не было бы своей собственной выработанной мировоззренческой системы. В основе таких систем находятся определенные морально-нравственные принципы. При помощи традиционной соционормативной культуры эти принципы регулируют социальные отношения.

Религиозная идентичность представлена соответствующим религиозным сознанием. Каждый народ в своем архетипе сознания имеет фундаментальные понятия о добре и зле. Изначально присутствуя в каждой культуре, их происхождение глубоко укоренено в религии, а уже впоследствии они наполнялись этническими значениями и смыслами.

Этнокультурная реальность материализует историю этноса, в отличие от этнорелигиозной реальности, которая спроецирована на вечную, сакральную идею абсолютного бытия Бога. Хотя на самом деле разделение этих двух реальностей легче провести в умозрении, чем в жизни. Эти две реальности соприкасаются, обретая единство в первичной аксиологии. Ценности с вневременной значимостью расширяют границы этнических ценностей, пока они не станут сопричастными абсолютному смыслу. Подобное обстоятельство настоятельно требует исследования этноидеологических основ этнического самосознания, изучения взаимосвязи между этническим и религиозным мировоззрением.

Для того чтобы определить и объяснить идеологическую основу адыгского этноса, прежде всего, надо обратиться к возникновению их этнического самосознания. Известно, что этническое самосознание напрямую связано с процессом этногенеза, который впоследствии выражается в самоназвании этноса. О том, что этноним является определяющим признаком в формировании этноса, этнографическими исследованиями отмечалось неоднократно. Со всей очевидностью это прослеживается на примере адыгской общности. Не вдаваясь в детальное содержание подходов к образованию этнонима адыгского этноса, укажем лишь на ряд гипотез, существующих в адыговедении. Одни относятся к категории хозяйственно-культурного типа, отмечая в себе топографические черты мест обитания, развивавшихся в данном ландшафте, другие относятся к форме манифестационных этнонимов, связанных с перенесением династии или имени феодала на народ. Очевидно, что ни одна из приведенных нами теорий не учитывала мировоззренческого (идеологического) фактора, отраженного в этнониме адыгского этноса.

Не претендуя на абсолютное решение данного вопроса, сделаем попытку заполнить образовавшийся пробел, исходя из того, что этнические группы (или этносы) идентифицируют себя «прежде всего по тем характеристикам, которые сами члены

группы считают для себя значимыми и которые легли в основе самосознания» [1]. В основе самосознания адыгов выступала традиционная система адыгагъэ (адыгство). Феномен адыгства, как правило, рассматривался с позиции культуры, традиций, обычаев, системы ценностей, этики и воспитания, правда, не без мировоззренческой нагрузки, но без учета идеологического аспекта. Как объяснить то, что за свою многовековую историю абхазо-адыгский этнос «создал и сохранил до наших дней многие самобытные традиции, обычаи, воззрения, сберег свою индивидуальность и черты национального характера, постоянно испытывая на себе политическое и культурное влияние других народов - древних греков, византийцев, персов, грузин, турок и русских, а позже и советское правление и один из его самых суровых режимов сталинско-бериевского периода» [2]. Объяснение этому адыговеды находят в специфике феномена адыгагъэ (адыгства), подходя в отношении самого феномена с позиции традиционных общественных институтов. Такими институтами, прежде всего, выступала культура, для которой «...характерно такое социальное регулирование, приспособление к среде и развитие человека, в котором главную роль играет традиция, т.е. социально санкционированный стереотип поведения и мышления» [3].

Традиционную культуру противопоставляют современной, отличая ее от последней по низким темпам обновления стереотипов, относительно малой вариативностью, большей жесткости отбора инновации, высокой степени автономности и обособленности, приоритета «подражания привычным нормам поведения и мышления над рационально-волевым. Этимология понятия «адыгагъэ» включает в себя и самоназвание этноса - адыгэ, что для нас является особенно важным. Так, этимология понятия «адыгагъэ» образуется из соединения: «адыгэ» (означает самоназвание этноса) + «гъэ» (собираТЕЛЬНЫЙ суффикс) - обозначает человека, рожденного этой системой (идеологией) и принадлежащего ей. Отсюда, логически напрашивается очевидный и важный для нас вывод, что название народа означает, прежде всего, тот или иной конкретный народ. В нашем случае важно не столько как интерпретировать самоназвание адыгов, сколько то, что лежало в основе его образования.

Поскольку целью данной системы (идеологии) является процесс формирования этнической самоидентификации, на ранних стадиях этногенеза в этническом самосознании адыгов, процесс структурирования идеологии (адыгагъэ) и этничности (адыгэ) протекал как единое целое. Адыгагъэ, выступив цементирующей идейной первоосновой самосознания адыгского этноса, отобразилось в его этнониме. Каждый этнос имеет свою особенность и специфику, обусловленную неповторимостью природного и культурного ландшафта. При такой полиэтничности Кавказа на довольно ограниченном географическом пространстве этническое самосознание выражалось в специфике феномена адыгства, совмещающего в себе этническое и идеологическое. Тем самым самоидентификация этноса происходила не столько по этническому признаку, сколько по этическому, отобразившему в себе идеологический аспект. Этим и объясняется то, что приводило впоследствии адыгство к некоторым элементам этноцентризма, то есть «определенного предпочтения собственного образа жизни и ценностей своей этнической группы всем остальным» [4]. В дальнейшем социально-исторические изменения становятся все более глубокими. Развивается, усложняется и изменяется и сама система руководства к действию. Смена символических сфер повлекла за собой масштабные изменения, в том числе политических институтов, меняются каналы и принципы доступа к власти. С принятием ислама в адыгском обществе произошли перемены, связанные с обновлением властвующих элит, а также со сдвигами в социально-политической организации и в способности к самовыражению более широких слоев, в воздействии этих слоев на политические процессы и изменения. Менялись кардинально принципы иерархии и распределения власти в обществе. Религиозные и идеологические изменения означали переустройство сферы символов политической власти и легитимизации.

Важные изменения вносит развитие трансцендентных представлений, направленных на перестройку земного порядка в соответствии с религиозными канонами. Реализация такой перестройки порой ведет к острым внутренним противоречиям. Так как самый пик распространения ислама в адыгском обществе пришелся на время Русско-Кавказской войны, то смена духовных, политических, социальных и в целом культурно-идеологических ориентаций протекала иначе, чем могла, так как внутренние противоречия в данном случае были смягчены тем, что перенеслись изнутри наружу. Политическое объединение предполагает идею, а религиозные институты как организующий принцип в полной мере обладают ею. Именно утверждение такого рода ценностно-санкционированной духовной связи в адыгском обществе создавало в будущем предпосылки для реального поддержания политической власти или противостояния ей. Следовательно, именно на стыке этих двух равноуровневых сфер этнической и религиозной при условии выяснения соотношения между этническими и религиозными сферами регуляции и их взаимодействия, а также выяснения степени внутреннего разделения этнических и религиозных систем и институтов происходила интеграция адыгского общества.

В естественноисторическом процессе, приведшем к формированию адыгского этноса, адыгство на первом этапе выполняло организующую и мобилизующую функции (этноформирующие), направленные в своей ориентации на производство этничности. А затем для ее поддержания, путем многократного повторения, из поколения в поколение, отчасти мифологизируясь в сознании народа, структурировалось внутрисоциально в систему ценностей, принимая формы незабываемых традиций, обычаев, этикета. На следующем этапе, с развитием феодальных отношений, внутри идеологической системы (адыгства) для более детального нормирования поведения индивидов сформировались такие его подсистемы, как адыгэ хабзэ (адыгский морально-правовой кодекс).

В целом, вся идеологическая система адыгства выражала собой духовно-практическую систему, включающую в себя исходные принципы самосознания и отношения человека ко всем сторонам жизни: социальной, производственной, семейно-бытовой.

Адыгство, как идеологическая система, определяло нравственный идеал человеческой жизни, неся в себе четкое разделение добра и зла. Именно за то, что она носит в себе высокоморальные качества, чаще в ней видели, прежде всего, «специфическую этническую систему, обслуживающую внутренние и внешние связи и отношения отдельного этноса, являющуюся в этом смысле частным проявлением общей теории морали» [5].

Поддерживая подобный подход к определению адыгства как системы морально-нравственных идей, в круг наших задач входит показ, что система эта была идеологически (а значит и этнически) детерминирована, и следовать этому идеалу для отдельного члена общества означало отклониться от самого главного - этничности, что привело бы его в итоге к полному самоотрицанию.

Если посмотреть, как исторически развивался этот процесс, то на примере адыгской истории можно предположить, что связан он был с внутриэтническим осознанием единения, сначала как самосознание единой этнической общности, а потом как единое политическое объединение. Если первый процесс завершился, то второй - нет.

Так, один из первых, кто упоминает черкесов под общим этнонимом адыгэ, является путешественник генуэзец Дж. Интериано, находившийся на Западном Кавказе в XIII веке: «...зихи, называемые так на языке простонародном (итальянском), греческом и латинском, татарами и турками именуемые черкесы, сами себя называют «адыгэ» [6]. Можно предположить, что процесс этот начался примерно в X веке, ведь, как отмечают историки, «время X-XII в.в. в Адыгее характеризуется возрождением и ярким расцветом национальной культуры» [7]. В этот период наблюдается относительная стабилизация общественной жизни адыгских племен, освободившихся из-под влияния

хазарского каганата. Оживляются торговые и культурные связи с окружающими народами. «По археологическим данным в этот период касоги и зихи находились под влиянием восточного Ренессанса... Как Грузия возрождала не греко-римскую, а свою античность, так адыги возрождали синдо-фатско-меотскую культуру античного времени» [8]. До этого периода расцвета ситуация характеризовалась противоположным образом. Так, арабский путешественник первой половины середины X века Ал-Масуди писал: «Кашаков можно назвать многочисленным и красивым народом, но ослабленным раздробленностью» [9]. И далее: «Известно, что если народы, говорящие их языком, сплотятся, то ни аланы, ни другой какой народ не будут в состоянии ничего предпринять против них» [10].

Это говорит о том, что на то время уже существовали предпосылки для перехода на другой таксономический уровень этнической общности под общим этнонимом. Такие этнообразующие факторы, как единый для всех язык и общая территория, подготовили этнические группы для дальнейшего этапа в данном этнопроцессе. Недоставало лишь главного - общего этнического самосознания, выражающего этническое единство. Подобным толчком в процессе формирования общего этнического самосознания, на наш взгляд, и выступила этническая идеология, которая сыграла консолидирующую роль в этнообъединении племен, что и составляло одну из основных ее целей. Конечно, существовали и политические, и экономические причины подобного объединения, но в перечне причин нами за основу берется этническая составляющая.

Однако исторически невозможно проследить, кто стоял у истоков формирования подобной идеологии, другими словами, невозможно точно определить основоположника (-ов) этнической идеологии адыгства. Процесс этот, вероятно, происходил в несколько этапов. Неизвестно, как и кем реализовалась на первом этапе этническая идеология, одним лицом, либо группой лиц (напр.: жрецами). Тем не менее, санкционировав образование этнической общности и закрепившись в этнониме, этническая идеология в последующие этапы естественным образом становится своего рода правящей идеологией, реализуя содержащиеся в ней смысловые значения права, морали, этикета.

Этническое самосознание можно рассматривать как систему осознанных представлений (значений) и оценок (смыслов) этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков (компонентов) этнокультурного мира. Это позволяет формировать подобную систему как идеологический компонент этнического самосознания.

Для нас важным является выявление идеологического компонента (основы) адыгского этноса, который мы определяем как этническую идеологию. Определить ее подобным образом нам дает право то, что, выступая основным этнообразующим фактором этнического самосознания, в результате его формирования человек осознает себя носителем этничности своей общности, представляя себя сопричастным к этническому миру, а значит, осознавая значение своего места в нем.

Этнос - это, прежде всего, общность людей, которая осознает себя как таковая, выделяя себя среди других аналогичных общностей. Подобное осознание, прежде всего, выражается в антитезе «мы-они», которая закрепляется в самоназвании этноса. В адыгском этносе этноидеология как раз и формировала подобное противостояние, актуализируясь в этнониме этноса.

Как известно, этноним - это один из главных признаков этноса. Самоназвание народа не бывает случайным. Им гордятся и относятся к нему ревностно. Оно может о многом рассказать тому, кто захочет раскрыть его смысл, и не скажет ни о чем тому, кто игнорирует его значение. Так, Карлейль полагал, что в именах заключено не просто многое, а почти все. Более того, этноним «проливает свет» на процесс этногенеза и на формирование этнического самосознания, сам, в свою очередь, являясь его выразителем.

Остановившись на широком определении понятия «идеология» как «определенной системы философских, научных, художественных, нравственных, этических, правовых, политических, экономических, социологических знаний и ценностей

о мире и роли человека в нем, которая организует, регулирует, интегрирует и направляет деятельность индивидов во всех сферах жизни общества» [11], нам следует лишь определить, какой тип идеологии выступал в основе этнического самосознания адыгов?

Идеологическую основу в мировоззрении адыгского этноса мы определяем как этническую идеологию, сущность которой выражается в системе адыгства.

Тем самым, формируясь в рамках данной культуры, этническая идеология определяет наиболее общие принципы теоретической и практической деятельности человека и в своей направленности является лишь этнической системой, объясняющей мир и поведение в нем человека, но не является средством его радикального изменения. Если попытаться определить этническую идеологию адыгов по видам знаний и способу организации, то есть, к какой форме идеологии она принадлежит, то, на наш взгляд, классифицировать ее полностью к какой-то одной определенной на сегодня известной форме идеологии будет неверным. Объясняется это частично временем ее возникновения. Понятно, что на тот исторический период этноидеология не могла впитать в себя ответы и правила на все случаи жизни, для каждой ситуации. Речь могла идти лишь об общих основополагающих принципах. Неся в своем потенциале общечеловеческие ценности, она была все же ограничена во многом определяющей ее этнической доминантой. Выступая как основной этнообразующий фактор этнического самосознания адыгского этноса, непосредственной задачей ее была максимальная реализация образовавшегося этнического ресурса. Отсюда можно сделать вывод, что по способу организации этноидеология (адыгагъэ) не была догматичной или утопичной, так как была способна к некоторому реформированию изнутри, что позволило ей до сих пор сохраниться, но и полностью открытой и развивающейся она не являлась, и это ограничивало ее в целостном восприятии мира, имеется в виду, что она не основывалась на целостном знании о мире. Хотя она и организовывала, регулировала и в итоге определяла место и роль «этнического человека» в мире, но часто это оказывался мир, ограниченный рамками собственной этничности. Скорее, это была мировоззренческая система, опиравшаяся в своей основе на высокие моральные и ценностные категории. Поэтому определить ее можно по форме как целостную лишь в том смысле, что восприятие личности происходит в основном через его собственный окружающий этнический мир и частичной по отношению к знанию о мире в целом. В историческом прошлом народа, на наш взгляд, футурологическая функция этноидеологии также воспринимается внутри адыгского этноса несколько ограниченно. С одной стороны, этническая идеология сводилась к этической системе, что тормозило политическое, социально-экономическое развитие, так как принялась в народе лишь как нравственно-этический идеал жизни, к которому надо стремиться, с другой стороны, очевидность этих идеалов не давала простора для религиозно-философского осмысления бытия.

Идеологическую форму, лежащую в основе этнического самосознания адыгского этноса, можно определить, на наш взгляд, как этническую идеологию. *«Этническая идеология - это тип идеологии, где последняя выступает в качестве основного этнообразующего фактора этнического самосознания и актуализируется в этнониме самоназвания этноса»* [12]. В период этногенеза самосознание развивается и формируется как процесс овладения индивидом значениями и смыслами этнокультурного мира. Под этническими "значениями" и "смыслами" понимается «общее» для представителей конкретного этнического сообщества. «Так, этническое самосознание вооружено и одновременно ограничено культурно-исторической системой этнических значений и смыслов, присущих определенному этнокультурному миру и несущих в себе совокупный общественный опыт» [13]. Этническая идеология - это система, внешне замкнутая в границах этничности и открытая внутри себя внешнему миру настолько, насколько этого требует необходимость адаптации этноса в тех или иных социально-исторических условиях. Этноидеология не существует отдельно от этничности, и страх перед ее утратой в сознании народа расценивается как потеря самой этничности.

Разделяя этническое самосознание на самосознание внешнего и внутреннего миров, можно увидеть, что этническая идеология пронизывает как структуру самосознания внешнего мира, так и структуру самосознания внутреннего мира. В категории внешней жизни этноидеология заложена в нормах, регулирующих поведение в обычаях, традициях и этикете.

В категории внутренней жизни этнического самосознания этноидеология сопряжена с понятием этнической идентичности, с помощью которой данная территориально-культурная и политическая общность возвышается до осознания себя как народа, соотнося свою деятельность с деятельностью других народов, так постепенно происходит уяснение своего места и роли в истории региона. В этническом самосознании адыгство выступает единой и целостной системой внешнего и внутреннего мира, осуществляясь лишь по-разному на его уровнях.

В свою очередь, этноидеология формировалась и существовала в рамках определенной культуры и фактически определялась ею. Пребывая в историческом времени, этническое сознание центрируется вокруг определенного события (реального или символического) в качестве средоточия этнической идентичности, а этническая идеология, следовательно, выступает в качестве указателя пределов и характера социального и культурного порядка. Тогда встает вопрос, какой самобытностью и своеобразием характеризовалась данная культура, в контексте которой и мыслится такой ее феномен, как этническая идеология?

Конечно, высказанные в этой статье идеи требуют более систематического изложения, что, возможно, мы попытаемся сделать в будущем. Мы не претендуем на то, чтобы предложить решение в рамках данной статьи, лишь укажем на некоторые направления и рассмотрим коротко лишь те аспекты, которые соответствуют задачам данного исследования.

Меняется политическая, экономическая, социальная и символическая структура адыгского общества. Научные исследования, предпринятые в конце 60-х гг. привели к таким результатам, что преобразование общества требует наличия трех компонентов: 1) элитные группы, способствующие созданию или утверждению новых образцов отношений; 2) ресурсы; 3) образцы социальных отношений или институты, которые стимулируют преобразования. Более того, эти изменения соответствуют двум макротипам общества: плюралистическому и монистическому. Немаловажным фактором, определяющим и ускоряющим социальные трансформации, является инициирование внешних завоеваний. Все это потребовало легитимации и высокого личного авторитета от лидеров и новых элит, а также формирования идеологии, консенсусной и открытой, в которой историческое время протекает уже необратимо, а не циклично. Во всех этих изменениях наиболее существенным для истории народа является то, что на задний план отходят второстепенные события, а остаются смыслы.

В частности, доктринальность ислама востребовала высокий уровень рефлексии, направленной на осмысление принципов духовности, религиозных положений и предписаний. В общем, возникновение на основе религиозных принципов политических, социальных и культурных структур способствовало и облегчало переход к современности.

Идеологическая структура «определяет развитие общества, но процесс этот взаимообусловлен, так как развитие общества имеет обратное воздействие на идеологическое учение. Поэтому при изменившихся условиях на месте отживших и устаревших должны занять место обновленные и прогрессивные установки» [14].

Этнический уровень идентичности сливается с религиозным. Таким образом, происходит совмещение двух разных потоков истории, этно-общинной и ментально-духовной, конечное слияние человекообразного мира с миром человеческого духа. Здесь возможна как борьба за выживание культуры и цивилизации, идеи прогресса и традиции, духа и материи, так и возможен кумулятивный опыт, обеспечивающий эволюционное развитие единого духовного организма. В нашем случае эти изменения затрагивают

целевые установки этнического сознания в кардинальном изменении видения и настроения, в новом отношении к бесконечному.

Этический компонент этнической идеологии фокусируется на собственных интересах, суживая историческое пространство на себе самом, в отсутствии лежащей в основе этого дискурса трансцендентально-прагматической нормы, лишает его устремления к построению универсального процесса, который обязывал бы к участию в таком дискурсе, в котором отражалась бы религиозно-метафизическая тотальность исторического бытия. Являясь автономной, локальной, а-метафизической, а-телеологической дискурсивной этикой, она там и тогда преступает свои собственные границы, когда вбирает в себя веру в смысл трансцендентной этики, этики ответственности, в то, что она способна установить и обосновать телеологическую и телеологическую метафизику бытия природы и нравственно - персональную правоответственность. Предлагаем называть здесь метафизику не как систему, а как сущность, как фундаментальный акт центровки сознания и обращения его к сакральному.

В конечном счете, даже при наличии сильно различающихся интересов, на минимальном уровне согласия, религия может определять дискурсивные моральные нормы совместной жизни, устанавливая общеобязательный канон. Она вправе предписывать, а значит обязывать к тому, что индивидуумы должны распорядиться своими метафизическими потенциями, определять, зачем они живут, в чем состоит цель, смысл их жизни, каким они должны видеть объективный общезначимый смысл.

Религия устанавливает абстрактный способ общественного регулирования, основанный на объективных законах, позволяющих управлять отношениями между людьми без установления между ними отношений субординации или подчинения. Религиозный порядок через моральное совершенствование человека должен реализовать порядок социальный, поэтому общебытовой уровень - это место встречи двух ценностных измерений, которые могут либо упрочить социальное равновесие, либо нарушить равновесие сил упорядоченной жизни. Религиозное мировоззрение не разрушало, а наоборот скрепляло привычную этику, а этнические ценности способствовали адекватному восприятию выходящих за пределы социальной обусловленности трансцендентных ценностей. Вростая в новое структурированное социальное пространство, человек оставался носителем многих черт прежней культуры, ее регулятивных норм и ценностей, при этом обогащая свой социальный опыт и знание о мире в соответствии с многообразием мира неисчерпаемой Вселенной. Теперь индивид выходит за пределы своей собственной судьбы, устремляет свой взор к высшему уровню смысла, цели и метаистории, приобщаясь к бессмертию как к процессу, ведущему в бесконечность, обретая подлинную индивидуальность, сопричастность к Богу и ответственность перед ним.

В общем плане, социальный контакт привел в действие духовные интенции, которые максимально мобилизовали и форсировали социальные ресурсы, а метафизический рывок переструктурировал пространство и изменил время, что и предопределило в будущем его культурные контуры.

Этническая идеология консервирует устоявшиеся привычные нормы, обычаи, традиции, этнические ценности и в отсутствие фактически определенной метацели помещает этнос в статичное состояние. Этноидеология обеспечивала существование этноса как самостоятельной ценности безотносительно к генезису и конечной цели, и лишь с усилением религиозного мирозерцания утверждалась его самоценность через проекцию на вечность. Религиозная идеология основывается на метафизических доказательствах бытия Бога и ввиду того, что религиозное миропонимание системно хронологизировано, периодизировано, темпорализировано и в своих истоках географически определено, она представляет собой целенаправленный процесс.

Этнический пейзаж, когда-то наполненный эпизодами исторических событий плоскостного реализма, внезапно сменился абстрактным изображением метафизически

ориентированной истории, в которой, отображая другой мир палитрой все более насыщенных и тонких цветов на космически-историческом фоне, проявилась полнота композиции полотна с объемной перспективой приобщения к общему процессу становления всемирной истории.

Религиозное мирозерцание связывает воедино различия между прошлым и настоящим, делая шаг в направлении к бесконечности, и тем самым, соединяя историческое бытие с бытием в вечности.

В этнической картине мира отсутствует проекция в вечность, в ней, напротив, отображена реальность прошлого, заполненная живыми, яркими и насыщенными образами былых эпох. Этническое самосознание постоянно возвращается к ностальгическому переживанию прошлого, точнее, оно просто погружается в него, не требуя детального восстановления последовательности исторических событий. Прошлое само по себе священно и воспринимается через призму монументальности и значимости событий, поэтому время здесь торжествует и встреча с настоящим невозможна, если оно не репрезентируется памятью. Однако невозможно в полном объеме постижение цели и смысла истории этно-центрированным сознанием.

Для народа наступил болезненный кризис, разрушающий его исторический опыт, приблизилось его призрачное настоящее, и проявился симптом завершения длительной исторической эпохи, когда стало необходимым осваивать реальность своей природной и культурной сущности в качестве иного уровня бытия, наполненного переживанием религиозного откровения.

В переломные моменты истории бывает так, что трагизм оборачивается спасением, связанный с надеждой на то, что будут даны ответы на насущные вопросы. Неизбежно возникает главный вопрос о соотношении этнической истории, ее целей и смыслов с конечной метаисторической целью. В итоге этноцентристская установка в поисках цельности и предельных смыслов приобретает универсальную символическую идею, которая явилась основой для реализации духовной природы человека. Иными словами, все этнокультурное пространство, включающее в себя прошлое, настоящее и будущее приобретает онтологическую значимость. Теперь все происходящее с человеком воспринимается им как соотношенное с абсолютным бытием.

После того, как религия становится объектом восприятия этнического сознания, она сразу же оказывается вовлеченной в целую систему конкретных социальных взаимосвязей, и связи эти теперь несут на себе печать трансцендентного и воображаемого.

В этической составляющей этнической идеологии отсутствует ориентация на поиск трансцендентальных качеств физического мира, здесь этическая ответственность возникает не перед сферой Божественного, а перед конкретной этнической общностью в ее социально-историческом измерении.

Определенное сочетание в сознании уровней идентичности, их иерархии предопределяется некой сверхзадачей, имеющей антропологический характер, как задачей определенного фундаментального изменения в структуре (иерархии) возможностях человеческого сознания и обусловленных этими изменениями приоритетов культуры как таковой. Наподобие того, как существуют идеологические блоки, отобразившие в себе определенную идеологическую модель, например, «человек экономический», «человек политический», «человек этический», «человек рациональный», «человек эстетический», «человек религиозный», мы, следуя этой аналогии, добавим «человек этнический» с четко фиксированными свойствами, собственными целями, выработанными принципами выживания, равновесия и реакции на окружающую среду. «Этнический человек», сформированный идеалами этнической идеологии, ее системой ценностей, определяет ее как идеологическую структуру, пронизывающую собой все сферы жизни общества. Поэтому этноидеология изначально доминировала и подчиняла себе политическую и экономическую сферу, претендуя на особую власть - власть «над человеческими душами»

оставаясь смысловой основой традиционных представлений и выступая организующей формой общественной жизни.

Этническая идеология в поисках критерия истины соотносит свои принципы напрямую с исторической практикой. В момент несовпадения и расхождения между положениями этноидеологии и реальной истории, с одной стороны, спроектированные идеи этнической идеологии подвергаются деформации, что является следствием разрыва с прошлым, с другой стороны, это привело к концентрации комбинаций этнических и абсолютных, безусловных ценностей, что дает по-новому оценить прошлое, настоящее и спроецировать будущее.

Этнические ценности и религиозные ценности отличаются высокой степенью корреляции и тяготеют к идеалу совмещаемости друг с другом.

В данный исторический период, когда нарушено единство полноты настоящего и полноты минувшего, прерванный диалог настоящего с минувшим еще не поздно возобновить. Сегодня участие в восстановлении исторического процесса, связанного с изменениями в историческом мышлении, требует с необходимостью делать новые выводы и выдвигать новые идеи, которые открыли бы перед нами весь горизонт исторического мира.

Примечания:

1. Стефаненко Т. Этнопсихология. М., 2000. С. 60.
2. Читашева Р.Г. Апсуара как основа нравственности и нравственного воспитания абхазов. Гагра, 1996. С. 8.
3. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп, 1997. С. 32.
4. Цит. по: Читашева Р.Г. Апсуара как основа нравственности и нравственного воспитания абхазов. Гагра, 1996. С. 15.
5. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 80.
6. Казанов Х.К. Культура Адыгов. Нальчик, 1993. С. 24.
7. Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997. С. 125.
8. Там же. С. 125.
9. Там же. С. 116.
10. Масуди Абу-эль-Хасан Али. Луга золота и рудники драгоценных камней // ФМО МПК. 1985. Вып. 33. С. 54-55.
11. Волков Ю.Г. Идеология. СПб. Ростов н/Д, 1996. С. 8.
12. Шаов А.А. Этническая идеология как предмет социально-философского знания. (Анализ этнического самосознания абхазо-адыгов). Ростов н/Д, 2000. С. 69-70.
13. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000. С. 55.
14. Малицкий В.С. Проблемы идеологии // Проблемы. Поиски. Решение. Концепции докторских диссертаций. Ростов н/Д, 1995. С. 144.

References:

1. Stefanenko T. Ethnic Psychology. – M., 2000 – P. 60.
2. Chitasheva R.G. Apsuara as a basis of morals and moral education of Abkhazes. - Gagra, 1996 – P. 8.
3. Khanakhu R.A. Traditional culture of the North Caucasus: time calls (the social-philosophical analysis). - Maikop, 1997. P. 32.
4. Cited from: Chitasheva R.G. Apsuara as a basis of morals and moral education of Abkhazes. - Gagra, 1996 – P.15.
5. Bgazhnokov B.H. Adyghe ethics. - Nalchik, 1999 - P. 80.
6. Kazanov H.K. Culture of Adyghes. - Nalchik, 1993 – P. 24.
7. Lovpache N.G. Ethnic history of the Western Circassia. - Maikop, 1997. P. 125.
8. The same. - P. 125.
9. The same. - P. 116.
10. Masudi Abu-el-Hasan Ali. Meadows of gold and mines of jewels // FMO MPK, issue 33.85 – P. 54-55.
11. Volkov Yu.G. Ideology. - St.-Petersburg. - Rostov-on-Don, 1996 - P. 8.
12. Shaov A.A. Ethnic ideology as a subject of socially-philosophical knowledge. (The analysis of ethnic consciousness of Abkhazes and Adyghes). - Rostov-on-Don, 2000 - P. 69-70.
13. Khotinets V.Yu. Ethnic consciousness. - St.-Petersburg, 2000 – P. 55.
14. Malitsky V.S. Problems of ideology // Problems. Searches. The decision. Concepts of theses for a doctor's degree. - Rostov-on-Don, 1995 P. 144.